

№ общій 263.

№ отдѣла

Шкафъ Полка

700. 4/127
Я
III. F-24

НИЖЕГОРОДСКІЕ ТАТАРЫ — ТАТАРЫ-ЛИ? ✓

«Мы живемъ между многими иноплеменными народами.... Татары, чувашы, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружаютъ насъ.... Мы удобнѣе можемъ имѣть, касательно языка или словесности ихъ, сношенія и изъ онаго дѣлать употребленіе. Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п. и все сіе еще весьма ново».

Изъ рѣчи секретаря казанскаго общества любителей словесности Кондырева, произнесенной въ торжественномъ засѣданіи общества 12 декабря 1814 года. ✓

К 167/10987
1797

Не смотря на признанныя наукой заслуги русскихъ людей по описательной географіи, не смотря на массу собраннаго уже матеріала по отечествовѣдѣнію Россіи, понимаемому въ широкомъ смыслѣ землеописанія и землевѣдѣнія, еще больше остается сдѣлать на этомъ пути, чѣмъ уже сдѣлано. Каждая изъ нашихъ областей многими, большею частію неизвѣстными, труженниками обслѣдована въ томъ или другомъ отношеніи, и все таки, въ каждой изъ этихъ областей, какъ-бы она мала ни

была, найдется громадный запас нетронутыхъ изслѣдованіемъ сторонъ, совершенно бѣлыхъ листовъ народной жизни.

Н. Нижегородской губерніи нѣсколько по-счастливилось по отношенію къ историческому и экономическому отдѣлу географическихъ познаній о ней; за то этнографическій, напр., отдѣлъ ихъ, какъ говорится—непечатою уголь. Въ этомъ отношеніи (да и не въ этомъ одномъ, конечно) счастлива сосѣдка нижегородской губерніи—казанская: ей, по всѣмъ правамъ, и книги въ руки, ею только и живы мы по части инородческой этнографіи. Стоя въ центрѣ бывшаго казанскаго царства, имѣя во главѣ университетъ съ его восточнымъ факультетомъ, который, къ сожалѣнію, такъ неудачно и такъ случайно отброшенъ былъ въ 1855 году, въ Петербургъ, Казань всегда шла впереди на почвѣ этнографіи края. Въ Казани, по словамъ К. В. Лаврсакаго, даже была надежда на духовное сближеніе татарскаго міра съ русскимъ, на привлеченіе поклонниковъ Магомета къ участию въ благахъ европейской цивилизаціи и просвѣщенія. Такъ, между прочимъ, въ 1816 году университетъ выбралъ въ почетные свои члены „высокостепеннаго оренбургскаго муфтія Мухаммедъ Джанъ

Хуссейнъ Углу“ (нынѣшній муфтіи Мухмедъ Яръ Мухаммедъ Шерифъ Оглы Султановъ кончилъ курсъ въ одной изъ казанскихъ гимназій и слушалъ затѣмъ лекціи въ казанскомъ университетѣ); въ университетскихъ изданіяхъ, въ важныхъ случаяхъ, вмѣстѣ съ русскимъ текстомъ, печатались разные манифесты и другія правительственныя извѣстія въ переводѣ на татарскій языкъ; въ казанскихъ типографіяхъ постоянно печатались татарскія учебныя—грамматики, хрестоматіи—и учебныя книги—географическаго и иного содержанія, напр. „Краткія замѣчанія о Хивѣ“, „Права калмыцкихъ и мунгальскихъ народовъ“, „О торговлѣ російской изъ Астрахани въ Персію“ и т. д. *). Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Казань наконецъ достигла апогея того положенія—центра ориентализма—которое она предназначена занимать самую природою.... Въ пятидесятыхъ годахъ, какъ выше замѣчено, это значеніе Казани упало, но можно надѣяться, что со временемъ оно будетъ ею снова приобрѣтено: когда нибудь восточный факультетъ снова будетъ возвра-

*) „Карлъ Федоровичъ Фуксъ и его время“ К. В. Лаврскаго („Казанскій Литературный Сборникъ“, Казань 1878, стр. 447, 449 и 451.

щенъ на свое настоящее мѣсто, и тогда вновь засіяетъ слава Казани, какъ центра научнаго оріентализма, сосредоточивающаго въ себѣ вѣдѣніе по этнографіи народовъ санскритскаго, арабскаго, армянскаго, персидскаго, монгольскаго, тюркскаго, китайскаго, манчжурскаго происхожденія. Пока этаго однако нѣтъ, Казань неуклонно преслѣдуетъ свои задачи по татаровѣдѣнію. Не говоря уже о такихъ классическихъ писателяхъ, какъ Георги, Палласъ, Кастрень, Регули, Френъ, Миллеръ, о казанскихъ татарахъ много и талантливо писали мѣстные изслѣдователи, съ К. Ф. Фуксомъ во главѣ—В. В. Радловъ, Н. И. Ильминскій, В. А. Казариновъ, Е. А. Маловъ и друг. И почти все, что сообщалось казанскими писателями о казанскихъ татарахъ, почти цѣликомъ, безъ всякой критики, переносилось на нижегородскихъ татаръ, и если мы теперь имѣемъ о нижегородскихъ татарахъ нѣсколько болѣе просвѣтленныя понятія, то опять таки обязаны этимъ Казани *).

*) Не безъ нѣкоторой гордости однако долженъ замѣтить, что быть можетъ послѣднія изслѣдованія В. А. Казаринова и Е. А. Малова о татарахъ-мишярахъ имъ были до извѣстной степени навѣяны вопросами *нижегородскаго* писателя А. Ф. Можаровскаго, поставленными имъ въ

Считая данный предмет весьма интереснымъ, постараюсь, вкратцѣ, познакомить читателя съ новѣйшими изслѣдованіями о нижегородскихъ татарахъ, принадлежащими В. А. Казаринову и протоіерею Е. А. Малову; предварительно однако считаю нелишнимъ привести здѣсь самыя необходимыя

1877 году на казанскомъ археологическомъ съѣздѣ. „Въ тетюшскомъ уѣздѣ, говоритъ А. Ф. Можаровскій, чувашъ, живущихъ по р. Кубиѣ, чуваша-же другой мѣстности называютъ *мижерь*, *мижерали*, или *мижерь-татарами*, а въ смежномъ съ тетюшскимъ уѣздомъ уѣздѣ бунинскомъ, симбирской губерніи, отатарившуюся помѣсь чувашей съ можарами называютъ (на базарѣ Юхмѣ) *мижерь-тутаръ*, *мещеръ-тутаръ*, *мещерякъ-тутаръ*. Эти мижерь-татары и мещерякъ-татары не сходны ни съ истыми чувашами, ни съ истыми татарами, не говоря про мелочи, даже въ языкѣ, хотя болѣе близки къ татарамъ. Не въ этихъ-ли мижеряхъ надобно искать потомковъ можаръ?“ восклицаетъ въ заключеніе А. Ф. Можаровскій, даже самой своей фамиліей и мѣстными географическими терминами (селенія Большая Можарки, Малая Можарки, при рч. Можаркѣ сергачскаго уѣзда нижегородской губерніи) заинтересованный рѣшеніемъ вопроса: „Гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ можаръ, которые въ 1551 году, среди поля Арскаго бились съ казанцами, вѣрные присягѣ русскому царю“ („Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 года“. Казань, 1884, томъ I, ч. 2, стр. 17 и 20).

данныя объ инородческомъ населеніи нижегородской губерніи вообще.

У насъ не замѣчается того инородческаго разнообразія, которое, начинаясь въ казанской губерніи, прогрессивно распространяется по всей восточной части Камско-Волжской области. Въ нижегородской губерніи можно встрѣтить лишь мордву, такъ называемыхъ татаръ и черемись; чувашскія поселенія казанской губерніи, подходя къ самымъ границамъ нижегородской, не переходятъ ихъ однако; чуваша по торговымъ дѣламъ, по продажѣ хлѣба, далѣе Лыскова на западъ, кажется, никуда не передвигались. Мордва живетъ въ уѣздахъ нижегородскомъ, княгининскомъ, арзамасскомъ, ардатовскомъ, сергачскомъ и лукояновскомъ; татары — въ сергачскомъ, княгининскомъ и васильскомъ, и черемисы — въ Заволжьи, въ уѣздахъ макарьевскомъ и васильскомъ; мордвы считается въ губерніи обоюго пола около 65.000, татаръ — до 45.000 и черемись около 5700 человекъ, всего около 115.000, т. е. около 7% всего нижегородскаго населенія (до 1.470.000 чел.). Нижегородская мордва принадлежитъ къ двумъ племенамъ — эрзинь и мокшань; мордва-каратаи здѣсь не живутъ, не переходя сюда селеніями изъ симбирской

губерніи; терюшевская мордва, т. е. мордва, живущая на югѣ нижегородскаго уѣзда въ обширной въ старину терюшевской волости, съ легкой руки поверхностно писавшихъ о ней авторовъ прослывшая за особое племя терюханъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ В. Н. Майнова, составляетъ лишь незначительную разновидность арзамасской эрзи; мокшане живутъ преимущественно въ лукояновскомъ уѣздѣ; мордва вся крещена и сильно поддается обрусѣнію, кромѣ двухъ мокшанскихъ селеній лукояновскаго уѣзда (Печи и Темяшево), которыя, по словамъ Н. И. Русинова *), очень упорно придерживаются своихъ національныхъ традицій; черемисы хотя также всѣ крещены, но еще до сихъ поръ не могутъ совершенно разстаться со многими изъ своихъ исконныхъ языческихъ вѣрованій и связан-

*) „Нижегородскій Сборникъ“, Н. Н. 1869, томъ II, стр. 21.—Капитальное сочиненіе о мордвѣ мы имѣемъ въ трудѣ В. Н. Майнова „Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди мордвы-эрзи“. Сп. 1883; также крайне интересны „Очерки мордвы“ П. И. Мельникова, помѣщенные имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1867 годъ; о терюшевской мордвѣ см. замѣтку А. Ф. Мартынова въ „Ниж. Губ. Вѣдомостяхъ“ за 1865 годъ, № 24; о юридическомъ бытѣ мордвы готовить, сколько мнѣ извѣстно, обширное изслѣдованіе А. А. Савельевъ.

ныхъ съ ними племенныхъ отличій *). Татары нижегородскіе, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не проявляютъ никакой склонности къ сліянію съ господствующей націей и постоянно устремляютъ свои взоры на Казань и Уфу, такъ какъ изъ Казани исходитъ весь печатный татарскій свѣтъ, а Уфа служитъ мѣстопробываніемъ высшаго іерархическаго татарскаго учрежденія—оренбургскаго магометанскаго собранія съ оренбургскимъ муфтіемъ во главѣ.

Къ какой-же антропологической клѣточкѣ относятся наши нижегородскіе татары? Можно ли смотрѣть на нихъ, какъ на одну и ту же массу казанскихъ татаръ, или они чѣмъ нибудь отличаются отъ своихъ казанскихъ соплеменниковъ? Еще недавно такихъ вопросовъ не возникало: какъ въ обществѣ, такъ и въ печати, татаринъ считался татариномъ, казанскій-ли онъ, нижегородскій-ли, и только иногда, когда на нижегородскую ярмарку попадалъ татаринъ крымскій, онъ обращалъ на себя вниманіе, по нѣкоторому несходству

---

*) «Ниж. Губ. Вѣдомости» за 1863 годъ, №№ 19 и 20, ст. свящ. С. И. Троицаго «Замѣтка о ветлужскихъ черемисахъ».

своего вѣшняго обличья съ нашимъ роднымъ сергачскимъ „каназемъ“.

„Обломки властвовавшихъ надъ Россію татаръ, встрѣчаемые нынѣ во многихъ губерніяхъ, говорить П. П. Семеновъ *), принадлежать, по всѣмъ этнографическимъ признакамъ, и въ особенности нарѣчію и типу, не къ монгольскому, а преимущественно къ тюркскому племени. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что къ монгольскому племени татаръ, сообщившему свое имя всему народному переселенію азіатскихъ кочевниковъ въ русскіе предѣлы, принадлежали только семейство Батия и его дружина, а главная масса переселившихся въ Россію кочевниковъ состояла изъ народовъ тюркскаго племени“.

Татарское населеніе казанской губерніи принадлежитъ, по происхожденію своему, преимущественно къ тюркскому племени; незначительная его часть называется мишярами; нижегородскіе-же татары вовсе не тюркскаго происхожденія, а *мишяри*.

У мишярей свой особенный языкъ, говорить В. А. Казариновъ, не вполне однородный съ

*) «Географическо-статистическій словарь російской имперіи» П. Семенова, Сиб., 1885, т. V, стр. 56.

татарскимъ языкомъ *). При сравненіи татарскихъ и мишярскихъ словъ замѣчаются многія особенности, напр.: въ мишярскихъ словахъ нѣтъ звука *ч*, которой замѣняется звукомъ *и*, послѣднимъ иногда замѣняются даже звуки *ш* и *с*; татарскій звукъ, соотвѣтствующій французскому *j* въ началѣ словъ татарами выговаривается какъ мягкое *дж*, мишярями-же произносится, какъ русскій *й*; татарскій звукъ *ш* мишяри произносятъ, какъ *ж*, *у*—какъ *о*; татарскія слова часто произносятся мишярями съ сокращеніемъ звуковъ и слоговъ, наконецъ у мишярей встрѣчается много словъ особаго происхожденія, которыя не имѣютъ никакого сходства съ татарскими, и кромѣ того много словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, напр.: миникъ (вѣникъ), кучарга (кочерга), калитка, грядля (грабли), тукъ (токъ), путолакъ (потолокъ), кацакъ (косякъ), зба (изба), куляса (колесо), пугрябъ (погребъ), уць (ось), да, сунинъ (супонь), гужь, сидильца (сѣделка), кляшци (клещи),

---

*) «Протоколы засѣданій совѣта и общихъ собраній членовъ общества археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ» за 1880—1881 годъ. Казань. 1885, статья В. Казаринова «О мишяряхъ въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи».

частакуль (частоколь), яшцець (ящикъ) и друг. Вообще мишяри у русскихъ позаимствовали слова, относящіяся до домовъ, дворовъ, экипажа, сбруи и т. п.

В. В. Радловъ говоритъ, что въ языкъ мишярей вошло такое значительное количество русскихъ словъ, что казанскіе татары смѣются надъ мишярями, называя ихъ „ярымъ урысь“, т. е. полурусскими *).

Приводя различныя мнѣнія о происхожденіи мишярей (В. В. Радлова, Н. И. Золотницкаго, А. Ф. Можаровскаго, С. М. Шпилевскаго), В. А. Казариновъ самъ однако не высказывается по вопросу положительно и только изъ нѣкоторыхъ его словъ можно заключить, что онъ склоненъ думать, что мишяри — омусульманившіеся мещеряки* *).

---

*) «Труды четвертаго археологическаго сѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 года». Казань, 1884, т. I, отд. II, стр. 17, примѣчаніе В. В. Радлова къ реферату А. Ф. Можаровскаго.

**) Такъ, напр., В. А. Казариновъ говоритъ: «Спрошенныя мною о мишяряхъ татары отличаютъ ихъ отъ себя и указываютъ, что мишяри живутъ на югѣ отъ свіяжскаго уѣзда симбирской губерніи и частью въ тетюшскомъ уѣздѣ; на границѣ спасскаго и чистопольскаго уѣздовъ также жили мещеряки на р. Мурасъ въ 1688 году» («Протоколы», стр. 11).

Гораздо рѣшительнѣе высказывается другой казанскій писатель протоіерей Е. А. Маловъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ подъ названіемъ „Свѣдѣнія о мишаряхъ“ *).

Въ губерніяхъ рязанской, тамбовской, пензенской, *нижегородской*, симбирской, саратовской и самарской, говорятъ почтенный Е. А. Маловъ, татары-мухаммедане *всѣ* принадлежать къ такъ-называемымъ *мещерякамъ* или *мишарямъ*.

Мишари отличаются отъ татаръ своей фізіономіей, одеждой, языкомъ.

Татары смѣются надъ мишарями, считаютъ себя людьми образованными, а мишарей — темными, неразвитыми, глупыми. У татаръ сложилось о мишаряхъ множество анекдотовъ, представляющихъ послѣднихъ въ жалкомъ смѣшномъ видѣ. Слова мишарскія вызываютъ у татаръ смѣхъ, подобно тому, какъ у нижегородовъ, напр., говоръ вятичей.

На самомъ дѣлѣ однако мишари гораздо умнѣе татаръ, они только добродушны и благожелательны къ другимъ, что и даетъ хитрымъ и надмѣннымъ татарамъ поводъ считать ихъ, по развитію, ниже себя. Въ

*) «Протоколы», стр. 13—91.

семеиномъ быту мишяри скромнѣе татаръ: татары склонны къ многоженству, допускаемому, какъ извѣстно, и религіей ихъ; мишяри довольствуются, большею частью, одной женой.

Все у татаръ не нравится въ мишяряхъ. Они ихъ называютъ не иначе какъ „поводильщиками медвѣдей“, такъ какъ нижегородскіе мишяри занимались дрессировкой медвѣдей *). Еще озлобленнѣе татары, понятно, къ мишярямъ - христіанамъ. Послѣднихъ впрочемъ очень немного: въ нижегородской губерніи съ небольшимъ 1000 человекъ, да и тѣ не особенно крѣпки въ своей новой вѣрѣ.

Вообще мишяри ближе къ русскимъ, не такъ отчуждены отъ нихъ, какъ татары, что подтверждается массой русскихъ словъ въ языкѣ мишярей и склонностью мишярей принимать и русскіе имена—впрочемъ не при рожденіи, а въ зрѣломъ возрастѣ, при сношеніяхъ съ русскими, когда съ татарскими именами присвоиваются мишярями и русскія имена.

Пензенскіе мухаммедане, по словамъ Е. А.

*) Въ нижегородской губерніи г. Сергачъ до сихъ поръ извѣстенъ подъ названіемъ «сергачской медвѣжьей академіи».

Малова, считаютъ себя коренными мишярами. Они передаютъ, что у нихъ былъ ханъ Нурчатъ (наровчатскій). Пензенскіе мишяри недружелюбно относятся къ касимовскимъ, у которыхъ былъ свой ханъ Касимъ. Они такъ насмѣхаются надъ касимовскими: пензенскій мишяръ съ одного берега Волги грозилъ ножемъ касимовскому, стоявшему на другомъ берегу рѣки; касимовецъ сначала думалъ, что пензякъ его не достанетъ ножемъ, но когда тотъ закричалъ, что ножъ его можетъ удлинниться, касимовецъ очень струсилъ и убѣжалъ.

Е. А. Маловъ приводитъ, въ статьѣ своей, на татарско-мишярскомъ языкѣ, съ русскимъ ихъ переводомъ, много анекдотовъ и сказокъ о мишярахъ, придуманныхъ татарами. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ (въ переводѣ Е. А. Малова):

1. „Мишяръ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Онъ надѣлъ черную шубу. Онъ снялъ шубу и шерстью положилъ ее на обрубокъ (пенекъ); на шубу напалъ снѣгъ, послѣ того, какъ онъ (мишяръ) отошелъ. Нарубивши въ лѣсу дровъ, онъ очень испугался, когда увидалъ шубу. Это—медвѣдь! Говоря, онъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Возвратившись домой,

онъ сказалъ жителямъ деревни: Я медвѣдя видѣлъ! Деревенскій народъ собрался и отправился, говоря, что они непременно уже убьютъ медвѣдя. Думая о шубѣ, что это въ самомъ дѣлѣ медвѣдь, они прострѣляли шубу. Послѣ уже, когда посмотрѣли, оказалась шуба. Они очень удивлялись, и говорили: Ахъ, ахъ!“

2. „Одинъ нижегородскій мишярь, посылая на макарьевскую ярмарку пятерыхъ своихъ сыновей, продавать товаръ домашняго произведенія—лапти—такъ наставлялъ ихъ, собравши ихъ къ себѣ: Сыновья мои! Вы еще не опытны. Дѣйствительно, если я, не научивши, васъ отправлю, то вы не узнаете порядка макарьевской. Макарьевская ярмарка очень хитра: если вы тамъ встрѣтитесь съ казанскими татарами, то знайте, что вы пропали. Если васъ захватятъ хожалые люди (полицейскіе), то даже не дадутъ вамъ одинъ разъдохнуть; какъ-нибудь другъ друга небросайте. Во-первыхъ, отправившись отсюда, на каждой станціи кормите вашихъ лошадей; телѣги ставьте, обративши ихъ къ макарьевской ярмаркѣ; потомъ, когда вы сами закусите и ваши лошади отдохнутъ, снова отправляйтесь на слѣдующую станцію—впередъ.

Такъ говоря, провожалъ отецъ дѣтей своихъ. Послѣ того, когда они отправились и проѣхали нѣсколько, одинъ шутникъ-татаринъ, будучи увѣдомленъ объ этомъ, какъ только они сѣли поѣсть, отпрягли своихъ лошадей и поставили телѣги свои, обративши къ Макарьеву,—телѣги ихъ, назадъ оборотивши, поставилъ. Они, отдохнувши, запрягли своихъ лошадей и отправились, приладивши обороченныя телѣги. Постоянно на каждой станціи они ставили свои телѣги прямо по дорогѣ и ѣхали дальше. Вотъ пріѣзжаютъ они въ свою деревню; въ то время глазамъ ихъ встрѣтился ихъ домъ. Они давай говорить: Мы входимъ на квартиру, которая похожа на нашу избу. Они остановились у воротъ своихъ, и по-русски спрашивая, закричали: Пустишь-ли насъ, хозяинъ, ночевать? Отецъ ихъ изъ дома поспѣшно выходитъ и приглашаетъ ихъ: Айда, айда! Тогда одинъ изъ сыновей его говоритъ прочимъ братьямъ: Посмотрите-ко! Этотъ русскій, ровно вѣдь, нашъ отецъ! Другой изъ нихъ закричалъ: Развѣ одинъ человекъ не бываетъ похожъ на другого? Давайте скорѣе распрягать лошадей! Въ то время отецъ узналъ по голосу своихъ дѣтей, поднявшись

посмотрѣлъ и узналъ, что это его дѣти. Да
 это вы какъ возвратились? говоритъ. Мы не
 возвратились; мы еще въ Макарьевъ ѣдемъ;
 со времени отъѣзда мы еще не оборачивали
 телѣги, отвѣчали они. Когда отецъ узналъ
 дѣло, то прежде чѣмъ распрягать лошадей
 ихъ, прогналъ ихъ въ лѣсъ за дровами. При-
 ѣхавши въ лѣсъ, они лѣнились подь корень
 рубить дубнякъ и сваливать. Давайте—мы
 вѣдь, когда собираемъ орѣхи, то орѣховое
 дерево, нагибая за вершину, обираемъ орѣхи
 отъ корня, такъ поступимъ и съ этимъ дуб-
 някомъ. Вотъ они лѣзутъ на вершину дуба,
 не поваливши, давай всѣ вмѣстѣ хвататься
 за одно мѣсто и говорить: Мы повалимъ!
 Одинъ изъ нихъ ухватился за одинъ крѣпкій
 сучекъ, а за его ноги ухватились остальные
 четверо. А дубъ все еще не валится. Ухва-
 тившійся за сучекъ, говоритъ: Вотъ я, по-
 стойте, укрѣплю руки свои, и обѣ руки свои
 отнявши, говоритъ: Вотъ я въ свои руки по-
 нлюю!... И всѣ они съ трескомъ полетѣли.
 Голова одного изъ нихъ оторвалась, а четве-
 ро, хотя также и больно ушиблись, однако-
 же не умерли. Братья собрались около того,
 у котораго оторвалась голова, и говорили:
 Эй, братья! Была-ли у этаго брата голова

1671 1791
 10957

прежде, чѣмъ мы пріѣхали за дровами? Но никто изъ нихъ не зналъ этаго. Давайте, дома спросимъ у его жены объ этомъ!... Они положили безголоваго на телѣгу, и, возвратившись, спрашивали: У твоего мужа была-ли голова? Жена сказала: Была-ли голова, я не знаю; только, когда онъ ѣлъ блины, борода его тряслась. А была-ли голова—этаго никто не зналъ“.

Эта сказка, говоритъ Е. А. Маловъ, напоминаетъ подобную о томъ, какъ ѣхали вятчи на макарьевскую ярмарку, и кажется только передѣлана казанскими татарами ради насмѣшки надъ мишярами.

Приведя, такимъ образомъ, 12 сказокъ и анекдотовъ изъ числа сочиненныхъ на мишярей, Е. А. Маловъ замѣчаетъ, что пренебрежительное отношеніе татаръ къ мишярямъ конечно дѣйствуетъ на нихъ подавляюще, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже стыдятся, что они мишяри, и выдаютъ себя за „настоящихъ“ татаръ. Вообще-же и мишяри не остаются въ долгу и сложили про татаръ свои сказки и анекдоты, представляющіе въ смѣшномъ видѣ татаръ, незнающихъ самыхъ обыкновенныхъ русскихъ словъ. Вотъ

нѣкоторые изъ такихъ мишрскихъ отгѣстокъ „настоящимъ“ татарамъ.

1. „Два татарина отправились въ путь-дорогу. Когда они отѣхали версть 30, вѣхали на квартиру. Они не умѣли по-русски говорить самаго извѣстнаго разговора. Они выпросили кое-какъ чаю и захотѣли чай пить съ молокомъ, но молока-то и не умѣли, какъ выпросить. Они просили „сютъ“. Хозяинъ постоялаго двора не понималъ, чего они спрашиваютъ. Эти оба сдѣлали совѣтъ знакомъ показать хозяину, что имъ нужно. Потомъ одинъ изъ нихъ всталъ на четвереньки, а другой сталъ доить. Послѣ этаго дворникъ, (т. е. хозяинъ постоялаго двора) догадавшись, что имъ нужно молока, далъ имъ молока. Послѣ этаго два татарина съ величайшимъ удовольствіемъ распивали чай съ молокомъ“.

2. „Въ одну деревню пріѣхалъ становой. Онъ спросилъ у жителей деревни: Гдѣ у васъ взѣзжій домъ? Они, будучи не въ состояніи сказать по-русски ни одного слова, стояли такъ. Становой отправился въ одинъ домъ и спрашивалъ у нихъ сельскаго старосту. Они, будучи не въ состояніи ничего сказать, одинъ другому говорили: Вотъ сейчасъ только дядя Джунай, продавши пшеницу, возвратится

изъ города. Онъ конечно возвратился, научившись говорить по-русски. Они на-скоро вскричали его и пришли. Онъ также очень скоро явился и пришолъ къ становому. Когда онъ пришолъ, становой спросилъ: Гдѣ у васъ сельскій староста? Онъ отвѣчалъ: Ржаная мука сорокъ копеекъ, а пшеничная мука восемь гривенъ. Становой сказалъ ему: Я этаго не спрашиваю, а только: гдѣ у васъ староста? А тотъ все продолжаетъ повторять свой первый отвѣтъ. Становой, будучи приведенъ въ смущеніе, сказалъ имъ: Давай намъ подвода! Они догадались: Онъ отъ насъ спрашиваетъ пудъ меда. Одинъ изъ нихъ побѣжалъ бѣгомъ, принесъ пудъ меду и поставилъ передъ приставомъ. Приставъ сказалъ имъ: Намъ меду не нужно, намъ только давай подводу. Они, не понимая, говорили: Кажется, что онъ спрашиваетъ ложку (поѣсть меду)! Они принесли ложку. Приставъ, совсѣмъ растерявшись, самъ вышелъ на дворъ, возшолъ между оглоблями телѣги и заржалъ по-лошадиному: Гай, гай! Уже послѣ этаго они поняли и говорили: Кажется, онъ лошадь просить. Потомъ они запрягли лошадь и дали ему, и онъ наконецъ уѣхалъ.

Этимъ и другими подобными анекдотами и сказками вполне между прочимъ, подтверждается замѣчаніе Е. А. Малова о добродушіи мишарей. При сравненіи анекдота, напр., о становомъ, съ анекдотами татаръ о мишаряхъ невольно бросается въ глаза именно добродушіе этаго анекдота; нѣтъ въ немъ той злой насмѣшки, которая громитъ устами татаръ мишаря: татары даже „хозялаго“ дѣлаютъ страшнымъ мишарю, а у мишарей и самъ становой только стѣсняется, предобродушно впригается въ оглобли и ржетъ по лошадиному: Гай, гай!

Относительно историческаго происхожденія мишарей Е. А. Маловъ высказываетъ слѣдующія соображенія. У казанскихъ татаръ сохраняется преданіе, будто мишари происходятъ отъ турецкаго племени, будто они первые сдѣлались подданными русскаго царя, женились на русскихъ и составили такимъ образомъ смѣсь племени русскаго съ турецкимъ, будто мишари первоначально жили въ мѣстности нынѣшней нижегородской губерніи, а потомъ разсѣялись по разнымъ другимъ мѣстамъ. Последнее до нѣкоторой степени подтверждается и лѣтописными сказаніями. Составляя выводы различныхъ

авторовъ (Рычкова, Черемшанскаго, Вельяминова-Зернова, нѣкоторыхъ татарскихъ писателей) Е. А. Маловъ находитъ, что во-1) мещера, мещеряки или мишяри жили прежде, какъ особое племя, на рѣкѣ Окѣ, въ сосѣдствѣ съ муромой, мордвою и черемисою, что у каждаго изъ этихъ племенъ былъ свой особый языкъ *); потомъ эти мещеряки, безъ всякаго сомнѣнiя не всѣ, а только часть ихъ, перешли въ алатырскiй уѣздъ; во-2) что мещеряки давно были крещеными, потомъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно поселившiеся среди казанскихъ татаръ, омусульманились; въ-3) мухаммеданство внутренно мало ихъ сближаетъ съ татарами-мухаммеданами, и въ-4) что до сихъ поръ у нихъ сохраняются

*) Е. А. Маловъ приводитъ слова лѣтописца по выдержкѣ изъ «Топографiи» Рычкова. Можно полагать, что цитировалась Никоновская (Патрiаршая) лѣтопись: ....«А по Оцѣ рѣцѣ, идѣже вошла въ Волгу, сѣдять: Муромъ языкъ свой, *Мещера* свой, Мордва свой, Черемиса свой», («Полное собранiе русскихъ лѣтописей», изд. археографической комиссiи. Спб. 1862, т. IX, стр. 4), такъ какъ въ Лаврентьевской лѣтописи упоминанiя о мещерѣ нѣтъ: ....«По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, Муромъ языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдва свой языкъ». («Лѣтопись по Лаврентьевскому списку», изд. археографической комиссiи. Спб. 1872, стр. 10).

еще остатки своего языка, своего костюма и обычаевъ.

Въ заключеніе своей статьи Е. А. Маловъ приводитъ, на татарскомъ языкѣ, и въ переводѣ на русскій, описаніе мухамеданиномъ С. А. своей поѣздки изъ Казани въ деревню Ендовищи сергачскаго уѣзда нижегородской губерніи. Въ виду спеціального интереса для насъ, нижегородцевъ, этого описанія помѣщаю его здѣсь цѣликомъ:

„*Мое путешествіе 15 мая 1885 г. изъ Казани въ Яндовищи* *). Упомянутаго числа я отправился вверхъ по Волгѣ, въ 8 часовъ утра, на пароходѣ „Императрица“ самолетской компаніи. Когда Казань скрылась отъ нашихъ взоровъ, тогда нашимъ глазамъ сталъ показываться городъ Свіяжскъ. Мнѣ городъ Свіяжскъ очень показался красивымъ, потому что построеніе его пришлось на очень хорошемъ мѣстѣ: кругомъ его вода,—точно уголокъ рая. И церкви издали кажутся очень красивыми; особенно все это было весьма красиво во время полного разлива воды. Послѣ того

*) По «Списку населенныхъ мѣстъ» деревня *Ендовищи*—въ 16 верстахъ отъ г. Сергача, по лѣвую сторону симбирской торговой дороги изъ Княгинина на Курмышъ; жителей около 2000 чел. обоего пола, 2 мечети.

мы достигли до Козловки; впрочемъ о Козловкѣ подобнаго сказать нечего. Потомъ мы достигли до станціи, называемой Сундыремъ. Здѣсь также ничего нѣтъ замѣчательнаго. Послѣ того мы прибыли въ городъ Чебоксарь. Строеніе города Чебоксарь очень хорошее. Весь этотъ городъ расположенъ на берегу Волги; монастыри города также очень красивы. Потомъ мы достигли до пристани города Козьма-Демьянъ. Городъ Козьма-Демьянъ кажется, должно быть, хорошій городъ. Потомъ мы прибыли въ Исады. Когда мы прибыли въ Исады, была уже ночь, часъ первый. Такъ какъ во время нашего путешествія было время полнаго разлива Волги, то изъ Исадъ не было до Лыскова сухого пути; поэтому отсюда до Лыскова мы отправились на лодкѣ. Когда мы прибыли въ Лысково, уже взошло солнце: это было солнце 16-го мая. Лысково хотя не городъ, но хорошая и богатая пристань хлѣбная; въ немъ продаются разные товары; здѣсь имѣются и почтовая и телеграфная станціи и нѣскольکو войска; лучше сказать: ему-бы слѣдовало быть первымъ уѣзднымъ городомъ, однакоже, я не знаю—почему, оно не сдѣлалось городомъ. Потомъ уже мы отправились по су-

хому пути, на лошадяхъ. Дорогою мы проѣхали нѣсколько русскихъ селеній. Проѣхать нѣсколько русскихъ селеній, конечно, не удивительно, но удивительно то, что жизнь этихъ селеній на столько черна, что сами эти русскіе очень изумлялись, завидя татаръ. Еще замѣчательно у нихъ то, что въ передней стѣнѣ ихъ домовъ по 3 окна, изъ которыхъ среднее обыкновенно большое, а по бокамъ его точно деревенскія банныя окошечки, слишкомъ маленькія. Когда я спрашивалъ ихъ о причинѣ таковой формы оконъ, мнѣ отвѣчали, что они устрояютъ такъ для тепла. Замѣчательно, во-вторыхъ, здѣсь то, что во всю длину улицы каждой деревни, по-серединѣ, противъ каждаго домовладѣльца имѣется землянка. Эти землянки нарушаютъ красоту улицы. Я спрашивалъ, для чего устроятся эти землянки? Мнѣ отвѣчали: для спасенія имущества отъ огня. Впрочемъ у нѣкоторыхъ, для сохраненія имущества отъ пожара на дворѣ имѣются кладовыя. Устроить избы каменныя они считаютъ гораздо легче сравнительно, чѣмъ устроить деревянныя, потому что у нихъ строеніе изъ камня обходится гораздо дешевле, сравнительно съ устроеніемъ изъ дерева (?): лѣсъ

у нихъ очень дорогъ. Потомъ мы доѣхали до уѣзднаго города Княгинина. Этотъ Княгининъ есть уѣздный городъ нижегородской губерніи. Городъ Княгининъ самъ по себѣ строеніемъ городъ хорошій. Въ немъ хороши церкви; тамъ есть и училища. Когда мы выѣзжали изъ города Княгинина, намъ указали на нѣсколько могилъ, находящихся внѣ церковной ограды. Это были могилы турокъ. Какъ явились здѣсь эти турецкія могилы? А вотъ какъ: когда была война у турокъ съ русскими въ 1877 году, въ то время плѣнные турки, будучи больны, находились въ больницѣ города Княгинина, а потомъ они померли и были похоронены внѣ ограды упомянутой церкви.... Да не будетъ скрыто отъ людей ученыхъ то, что когда мы плыли на пароходѣ, то кромѣ вышеупомянутыхъ пристаней, мы проѣхали нѣсколько другихъ пристаней, однако-же мы не описываемъ ихъ, потому что подробно ихъ мы не осматривали.... Послѣ того, какъ мы проѣхали городъ Княгининъ и направились въ городъ Сергачъ, мы снова по дорогѣ проѣхали нѣсколько селеній, и когда мы удивились, что не видѣли ни одной мусульманской деревни, вдругъ показалась одна мусульманская деревня, очень

хорошая и богатая, это—Урга. Въ ней двѣ мечети. Проѣхавши эту деревню, мы были въ уѣздный городъ Сергачь. Однако же нельзя сказать, чтобы городъ Сергачь былъ богатый городъ *). Здѣсь въ гостиницѣ мы пили чай; гостинница не отличалась чистотою. Наконецъ, если сравнивать городъ Княгининъ съ городомъ Сергачемъ, послѣдній окажется хуже. Когда мы проѣхали верстъ 5 отъ Сергача, доѣхали до деревни Пожарь. Деревень съ именемъ Пожарь двѣ: одна изъ нихъ русская (Русскій Пожарь) а другая—Татарскій Пожарь **). Этими двумя деревнями Пожарами протекаетъ большая рѣка Пьяна. Когда мы ѣхали, было время полного разлива воды; поэтому мы ѣхали черезъ рѣку на перевозѣ. Люди этаго перевоза, т. е. перевозчики были мусульмане и притомъ мишяри, большіе шутники и уда-

*) Еще-бы!.. По свѣдѣніямъ за 1885 годъ, въ Сергачѣ считается жителей 1556 человекъ обоюго пола; цифра городского бюджета не превышаетъ 6000 р.

**) Въ селѣ Пожаркахъ, на р. Пьянѣ, около 2000 жителей русскихъ; въ немъ бываютъ большіе оживленные базары, которымъ завидуетъ сосѣдній Сергачь. Въ верстѣ отъ русскаго села Пожарокъ стоитъ татарское селеніе Кочко Пожарки, въ которомъ также около 2000 жителей, татарь.

лые люди. Когда мы переѣхали рѣку на перевозѣ, передъ нами была очень высокая гора, на которую наши лошади, хотя были и очень хорошія, поднялись съ великимъ трудомъ. Проѣхавши послѣ того верстѣ 12, мы прибыли въ Яндовищи, куда именно мы стремились. Когда мы прибыли въ Яндовищи, солнце уже закатилось; было 10 часовъ вечера; многіе изъ яндовищинскихъ мишарей уже спали. Кратко сказать, 16 мая, въ 10 часовъ вечера мы были въ Яндовищахъ.— Деревня *Яндовищи* очень большая мухамеданская и притомъ мишарская деревня. Въ ней четыре мечети, двѣ школы, а также имѣется въ этой деревнѣ волостное правленіе. Старшина здѣсь мусульманинъ мишаръ Зайнетдинъ сынъ Мувлюмъ-Бирды; въ настоящее время онъ служитъ уже вторую треть, человекъ очень умный и опытный. Въ этой деревнѣ жителей 1300 душъ по прежней ревизіи. Въ деревнѣ Яндовищахъ изъ четырехъ упомянутыхъ мечетей три устроены по формѣ мечетей, находящихся въ российскомъ государствѣ, а одна точно турецкая мечеть. Впрочемъ мечеть, имѣющая форму турецкую, очень обветшала. Жаль! Какъ было-бы хорошо, если-бы изъ мусуль-

манъ нашолся богатый человекъ, который обновилъ-бы эту мечеть! Въ этомъ и будущемъ свѣтѣ была-бы ему награда. Теперь перехожу къ предположенной цѣли.—Что такое мишарь? Мишарь такой народъ, который различается отъ русскихъ вѣрой, а отъ татаръ отличается языкомъ. Мишари языкомъ мало очень отличаются отъ русскихъ и отъ турокъ. Когда мишари говорятъ, то говорятъ съ сильнымъ удареніемъ, т. е. когда мишари произносятъ какое-либо предложеніе въ рѣчи, то въ одномъ мѣстѣ, на концѣ предложенія, останавливаются, точно споткнутся. Хотя удареніе въ нашемъ татарскомъ языкѣ неизвѣстно, однако-же можно это нѣсколько понять, напр., какъ народъ вятскій говорить съ удареніемъ, точно также говорятъ и мишари. Откуда они пріобрѣли манеру говорить Немного по-турецки и немного по-русски, это ясно и точно извѣстно; впрочемъ нѣкоторые передаютъ объ этомъ нѣсколько разныхъ рассказовъ, которые однако-же не заслуживаютъ вѣроятія. Да не будетъ сокрыто то, что нѣсколько словъ у мишарей имѣется соотвѣственно ихъ природѣ и ихъ характеру. Мишари, сравнительно съ татарами, по своему

тѣлосложенію гораздо крѣпче татарь; мишяри народъ крупный, т. е. высокорослый; по виду своему они красны, а не такъ, какъ татары, которыхъ цвѣтъ лица склоняется къ цвѣту желтоватому. По своему характеру мишяри народъ бравый, т. е., сравнительно съ нашими татарами, у нихъ гораздо больше стыдливости; они также тверже въ своихъ обѣщаніяхъ. Твердость въ данномъ словѣ у мишярей цѣнится очень дорого. Если мишярь скажетъ одно слово, то какое-бы ни случилось несчастье, отъ своего слова онъ уже не откажется. Жизнь этихъ мишярей сѣргачскаго уѣзда, сравнительно съ жизнью нашихъ татарь-мусульманъ, живущихъ въ окрестностяхъ Казани, гораздо ниже. Въ частности: одежда ихъ походитъ на одежду старыхъ временъ. Новой моды у нихъ нѣтъ. Различіе жилищъ ихъ состоитъ въ томъ, что у ихъ домовъ на передней стѣнѣ дѣлается только одно окно. Домы ихъ поэтому походятъ на челобѣка, который зажмуритъ одинъ свой глазъ. На боковой стѣнѣ дома дѣлаютъ два или три окна. У многихъ въ домахъ печи черныя, т. е. безъ трубъ; котловъ нѣтъ, а нищу варятъ или пекутъ въ печахъ. Пища ихъ большею частью такова: каша, сальникъ

и чумарь. Другіе роды пищи только готовить люди образованные.... Нижегородской губерніи сергачскаго уѣзда деревни Яндовищъ указный мулла Ахсанъ говоритъ, что мишяри пришли изъ Касимова, т. е., что они составляютъ коренное касимовское племя. Но я возражалъ муллѣ Ахсану: Удивительно, что между языкомъ вашимъ и языкомъ касимовскихъ людей сходства очень мало. Мулла на это отвѣчалъ: Точно, языкъ немного измѣнился, однако-же вѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы касимовскіе. Точно также среди нагорныхъ жителей, напр. въ тетюшскомъ уѣздѣ казанской губерніи, мишяри говоромъ совершенно различаются отъ насъ, тѣмъ не менѣе тамошніе мишяри все выходцы изъ нижегородской губерніи. Въ очень многихъ мѣстахъ россійской имперіи мишяри расселились изъ нижегородской губерніи; не больше двухъ или трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, какъ мишяри пришли изъ Касимова и расселились по нижегородской губерніи. Можно довѣрять словамъ этаго Ахсана мутлы, потому что онъ человекъ опытный; нѣсколько лѣтъ онъ былъ старшиной, а потому въ настоящее время состоитъ указнымъ муллой: вотъ уже 23 года какъ онъ состоитъ

муллой. Человѣку умному, прожившему столько лѣтъ, многое можно знать. Все, что мною сказано о мишярахъ, не ложно, потому что я самъ былъ среди мишярей и наблюдалъ ихъ; напр., я былъ въ деревнѣ Яндовищахъ, въ деревнѣ Суксу яндовищинской волости, а также въ деревнѣ Куйсу уразовской волости и въ другихъ деревняхъ. Скажу нѣсколько словъ о прекрасномъ характерѣ мишярей. Мишяри народъ гостепріимный; сравнительно съ нашими казанскими татарами, они гораздо болѣе ихъ уважаютъ гостей. Среди мишярей особенно уважаются люди ученые. Они, если увидятъ человѣка ученаго, цѣлуютъ его руки, и очень много передъ нимъ унижаются. Такимъ образомъ отъ 15 мая до 20 іюня я пробылъ въ сергачскомъ уѣздѣ, а потомъ снова возвратился въ Казань тою-же дорогою“.

Итакъ, если мы говоримъ: казанскіе татары и нижегородскіе татары, это—далеко не одно и тоже. Несомнѣнно, что нижегородскіе татары—мишяри. Затѣмъ насъ учатъ, что мишяри это тоже, что мешчеряки, мешчера, т. е. народъ, какъ извѣстно, по преимуществу финскаго племени, только омусульманившійся, и въ слѣдствіе того отатарившійся. Но что-же

далѣе?... А далѣе нужно согласиться съ самимъ почтеннымъ Е. А. Маловымъ, который, въ концѣ концовъ, сознается (стр. 51), что языкъ, костюмъ и вообще обычаи мишарей, т. е. почти вся мишарская этнографія цѣликомъ еще далеко не изслѣдована, и что „дальнѣйшее, болѣе или менѣе подробное изслѣдованіе о мещерякахъ весьма желательное“.

А. Гацискій.

